

- Что ты имеешь в виду?! - Лю Юфэй набросился и ударил кулаком.

У Ке Сюня высокий рост, и у него длинные руки. Прежде чем кулак Лю Юфэя оказался перед ним, его рука уже достигла лица Лю Юфэя. Пять пальцев обхватили лицо Лю Юфэя, а затем он резко дернулся в сторону. Лю Юфэй, даже человек с его лицом, пошатнулся.

- Тунцзи [1], это ты, - сказал Ке Сюнь.

[1] Тунцзи - университет в Китае, это ироничное обращение к студенту Лю Юфэю.

- Хочу сказать то же самое, что и Ке-эр, - сказал Вэй Дун. - Я просто обычный человек, без каких-либо особенностей или преимуществ. Единственная гарантия - это то, что я не буду кусать других.

- Наш Дунцзи все еще остается художником, - добавил за него Ке Сюнь. - Специалист по искусству, обладающий уникальным профессиональным видением и взглядом на произведения изобразительного искусства, а также изучающий мир в живописи, может рассматриваться как его коллега.

Вэй Дун не сразу понял, что это говорят о нем.

Доктор посмотрел на владельца блинного ларька:

- А как насчет тебя, что ты хочешь сказать?

Владелец блинного ларька раскрыл налитые кровью глаза:

- Я не хочу умирать, я действительно не хочу умирать, пожалуйста, не выбирайте меня, я не хочу умирать... Я не хочу умирать...

Видя, что он только повторяет это предложение снова и снова, доктору пришлось прекратить его расспросы, и, наконец, он повернулся к Му Ижаню:

- А ты?

Му Ижань спокойно произнес:

- У меня есть ключ.

- ...

Всего четыре слова, простые, грубые, прямолинейные. Если смертельный удар Ке Сюня поражал только один на один, то Му Ижань одним выстрелом поверг всех в прямо нокаут.

У него есть ключ к разгадке.

Никто не может его убить.

Все так просто.

Доктор опустил глаза:

- Хорошо, я всех опросил, теперь... Голосуйте, время уходит.

У всех было тяжелое и сложное лицо. Не очень-то приятно быть чьим-то палачом. Однако смотреть в лицо смерти еще более неудобно.

- Я собираюсь взять бумагу и ручку, - доктор встал, подошел к старику и принес лист желтой бумаги и несколько угольных палочек. Разделил бумагу на восемь равных частей и всем раздал, а затем сказал:

- Пожалуйста, назовите свое имя, если вы действительно не хотите, мы вас сами обозначим.

- Ке Сюнь, - сказал Ке Сюнь первым, - Ке Конана, поиски Ли Сюньхуаня (□□□□□□□□).

- Вэй Дун, - продолжал Вэй Дун, - охранник Вэй Цин, восток Дунцина (□□□□□□□□).

Ке Сюнь:

- Я больше не буду называть тебя «мелким», это действительно неправильно.

Вэй Дун:

- Ке Чжэнь - злой Ке, заткнись лучше.

Му Ижань холодно взглянул на этих двух людей, которые не забывали шутить рядом со смертью. плохие слова незадолго до смерти. Интересно, придерживаются ли эти два человека такого поведения, чтобы не видеть гроб, не плакать и развлекаться до смерти или... потому что они спокойны до самых костей.

Затем он сказал:

- Му Ижань, пастух Макино Чанъи И, неторопливый Ран (□□□□□□□□□□□□□□).

- На бескрайнем поле с голубым небом и белыми облаками, счастливый и неторопливый - хорошее имя, - заметил Ке Сюнь, молодой человек с грубыми нервами.

Му Ижань холодно ответил:

- Ке из Нань Ке Мэна [2] (□□□□□□- южная плодоножка, мечтающая о дереве), заткнись.

[2] - друзья дурачились, когда произносили свои имена по слогам, как вы знаете, в Китае есть слова, близкие по звучанию, но с разным смыслом. Му Ижань ответил им их же оружием.

Ке Сюнь:

- ...

Вей Дун:

- ...

Затем отец-одиночка и владелец частной компании сообщили свои имена, одного из них звали Ма Чжэньхуа, а другого - Чжан Маолинь.

Владелец блинного киоска отказался назвать свое имя и только продолжал умолять:

- Не выбирайте меня, пожалуйста, я умоляю вас, не выбирайте меня...

- Запишем его под литерой «А», - доктор слегка вздохнул и посмотрел на Лю Юфэя.

- Посмотри, что я делаю! Я все равно не могу умереть! Если вы хотите писать чьи-то имена, просто выписывайте других. Пусть окажутся имена тех, кто не нужен обществу, которые бесполезны для своей страны. Таких и не жалко пустить на смерть! - прокричал Лю Юфэй.

- Пусть он будет записан по кодовым именем СС[3], - Ке Сюнь.

[3] СС - сукин сын.

Вэй Дун ответил:

- Очень уместно.

Доктор был последним:

- Моя фамилия Цинь, Цинь Ци, Цинь Цинь Шихуанди дарованный (□□□□□□□□□□).

В комнате снова воцарилась тишина. Восемь имен и восемь жизней были поставлены перед каждым в неизбежной и неотразимой манере.

Чжан Маолинь, владелец частной компании, достал свой мобильный телефон и нервно оглядел всех:

- До девяти часов осталось всего пять минут... Мы должны, должны проголосовать...

Цвет лица у всех мгновенно исказился.

Стрела лежит на тетиве, и нет времени колебаться.

Доктор снова обрел свою невозмутимость, но веки при этом были опущены:

- Пишем, это всегда происходит.

В течение пяти долгих и коротких минут, за исключением Ке Сюня и Вэй Дуна, которые уже заявили о воздержании, все остальные один за другим брали в руки уголь. В процессе написания имени некоторые были невыразительными, некоторые боролись, некоторые были злобными, некоторые горько плакали.

За минуту до того, как время достигло ровно девяти часов, все положили газету с именами на стол и медленно подтолкнули листки к центру стола. Даже если вы не прочтаете, что там написано, мир на этой картине будет знать, кто набрал наибольшее количество голосов.

Все сидели там, уставившись на обратную сторону газеты, ожидая момента, когда будет вынесен приговор.

Время шло, отец-одиночка Ма Чжэньхуа и владелец частного предприятия Чжан Маолинь не могли удержаться от слез вместе с владельцем блинного ларька.

Доктор и Му Ижань были как всегда спокойны и бесстрастны.

Вэй Дун тупо уставился в угол столешницы, Ке Сюнь опустил свои тонкие веки, неподвижно откинувшись на спинку стула.

Лю Юфэй дрожал, его кулаки были сжаты, на лбу выступили крупные капли пота. Только когда закончилась секунда девятого часа, струна в его голове вдруг оборвалась, он вскочил и душераздирающе закричал:

- Я не хочу умирать! Я хочу вернуться! Фальшиво... все это фальшиво... я сплю... Мне снятся кошмары... заставьте меня поскорее проснуться... Я больше не хочу спать... заставьте меня проснуться... - как будто он сошел с ума. Лю Юфэй распахнул дверь и выбежал во двор, казалось, желая вырваться из оков этого странного мира.

Все быстро встали и бросились к двери, только чтобы увидеть, как Лю Юфэй спотыкается и спотыкается, идя напролом прямо на забор. Остроконечная бамбуковая ограда с зазубренными заусенцами вонзилась в тело Лю Юфэя и вышла со спины с хлещущей кровью. Лю Юфэй издал крик, отчаянно сопротивляясь на бамбуковой изгороди. Это зрелище напоминало кузнечика, чей живот проткнули бамбуковой палкой. Густая кровь хлынула по бамбуковой изгороди, крики Лю Юфэя постепенно ослабли, и его конечности медленно перестали двигаться. Пока он не повис там безжизненно, как туша свиньи. Больше не было никакого движения.

Ма Чжэньхуа и Чжан Маолинь сидели на земле с ослабевшими ногами и горько плакали. Интересно, были ли они напуганы смертью Лю Юфэя, или они были благодарны за то, что сбежали с линии смерти и вернулись к жизни.

Владелец блинного киоска был так напуган, что у него снова началось недержание мочи.

Доктор посмотрел на тело Лю Юфэя и со сложным выражением лица покачал головой. Он думал о том, что нужно что-то сказать, чтобы смягчить эту тяжелую депрессивную и невыразимую атмосферу, но внезапно увидел Му Ижэня, направляющегося к телу Лю Юфэя, и не смог произнести ни звука. Затем он его окрикнул:

- Я не могу спасти его, он мертв.

Му Ижэнь проигнорировал этот окрик и пошел, не останавливаясь к телу Лю Юфэя. Он уже собирался наклониться, чтобы рассмотреть поближе, когда услышал голос позади себя:

- Хотите изучить его то, как он умер?

Му Ижэнь повернул голову в сторону и взглянул, увидев, что Ке Сюнь в какой-то момент последовал за ним, спокойно пялится на него. Остальные за ним не последовали.

Му Ижэнь снова повернулся к телу Лю Юфэя, только чтобы увидеть, что ряд заостренных бамбуковых палок забора под ним, испачканных липкой кровью, полностью проникли в тело Лю Юфэя. Его Он был почти разрезан на две части в области талии.

- Разрезан наполовину, - Му Ижэнь холодно выплюнул два слова, которые звучали

чрезвычайно жестоко в этой ситуации. Ке Сюнь заметил, что эти слова тоже были такими ясными и спокойными, как и сам Му Ижань.

Когда они вернулись в дом, старик уже приготовил их завтрак, как будто не знал, что только что произошло, и все еще безжизненно повторял слова вчерашнего утра:

- Все усердно работали прошлой ночью. Давайте сначала позавтракаем. Днем делать нечего. Вы можете отдохнуть и прийти ко мне, когда стемнеет. Этим вечером я назначу вам работу на сегодня, - сказав это, он повернулся и пошел в заднюю комнату.

Ма Чжэньхуа и Чжан Маолинь все еще сидели на земле и плакали.

Владелец блинного киоска был мягок на своем стуле, как грязь. Моча стекала на землю.

Доктор прислонился к дверному косяку и погрузился в свои мысли.

Вэй Дун спрятался во дворе, так, чтобы не видеть труп, забившись в угол.

Му Ижань сел за стол. Как только он поднял руку, он увидел, как Ке Сюнь по-сыновнему протянул ему вотоу. Он также схватил еще одно вотоу [4] в руку, подзывая к себе Вэй Дуна:

- Иди и поешь.

- Черт возьми, у тебя все еще есть аппетит есть? - Вэй Дун был потрясен.

- Сейчас время завтрака, - Ке Сюнь указал на место рядом, подзывая. - Разве ты не слушал, что сказал старик? Сегодня вечером я должен снова выжить. Это была счастливая случайность, что я не умер прошлой ночью. Смогу ли я пережить эту ночь? Я не знаю, даже если всем посчастливится снова выжить, можно ли будет снова проголосовать завтра утром? Иди и ешь быстрее! Только когда ты насытишься, у тебя хватит сил найти печать как можно скорее.

[4] Вотоу - традиционное блюдо китайской кухни. Это приготовленные на пару полые кукурузные пампушки конусообразной формы. Простое и вкусное домашнее блюдо, также известное как китайский паровой кукурузный хлеб. Состав вотоу предельно простой - пампушки готовятся без яиц, масла, дрожжей и даже разрыхлителя.

Вэй Дун почувствовал, что это разумно, и неохотно сел, заставив себя влить в горло рисовую кашу. Услышав это, доктор подошел и тоже сел, молча наполнив свой желудок, он оставил тарелку взглянул на Му Ижана:

- Сяо Му, теперь ты можешь поделиться полученными подсказками со всеми нами.

Ма Чжэньхуа и Чжан Маолинь услышали их, изо всех сил пытались сесть за стол рядом, все с нетерпением смотрели на Му Ижана. Ке Сюнь чувствовал, что если Му Ижань в это время ничего не скажет, то только эти двое проглотят его ту же живьем.

Му Ижань, казалось, не собирался продолжать это скрывать. Он вдруг опустил голову, развязал обвязанную вокруг пояса льняную полоску со словом «Ян» и положил ее на стол:

- Правило, которое определяет, как нам умереть, - это этот кусок ткани.

Доктор был слегка удивлен:

- Хотя я знаю, что эта полоска ткани, должно быть, странная, она является основой для объединения нас по группам, но что она так же определяет наш способ смерти, я об этом не думал. Объясните. Пожалуйста.

Му Ижань указал на слова на полотняных полосках:

- В первую ночь три человека, которые умерли в траурном зале, носили полоски со словом "О" (口 - центральный). Все трое потеряли глаза. Два человека, которые умерли в могилах, имели на полосках слово "И" (口 - союз), два человека были разделены на равные куски мяса, которые были съедены воронами. У Лю Юфэя, который только что умер, на полоске ткани было слово "Гу" (口 - виновный), и способ смерти был похож на разрезание пополам".

Доктор слегка покачал головой в сомнении:

- Я не понимаю, как их смерть связана с этими словами.

Му Ижань продолжил:

- Я помню, вы говорили, что предком жителей деревни был Цзунчжу. Я также сказал, что проклятия были очень популярны весной, осенью и в период Воюющих государств. Самое известное из них - "Проклятие Чу Вэнь". "Проклятие Чу Вэнь" - это текст, вырезанный на камне государства Цинь в период Воюющих государств. Шрифт принадлежит Сяочжуаню. Этот шрифт берет свое начало со знаком, высеченных на костях людей и животных.

- Древние вещи, будь то артефакты или слова, очень богаты призраками и богами. Древние люди уважали и почитали символы слов больше, чем современные люди. Поэтому, будь то сила божественной силы или проклятие, все зависит от слов.

- Большинство людей понимают только текущее значение слова "народ" (口), относящееся к

населению и людям, но первоначальное значение этого слова ужасает.

- Слово "оракул" в надписях на костях оракула состоит из глаза со зрачками и остроконечного креста внизу. Этот символ первоначально означал, что нужно держать острое оружие, чтобы ослепить глаза людей и заставить их стать рабами, отправить их в рабство.

- Значение этого слова стало более очевидным после того, как знаки на костях оракула превратились в надписи. Иероглиф "О" в надписях прямо стирал зрачки в глазах, и крест приобрел острую конусообразную форму, прямо пронзая глаза.

- Давайте еще раз поговорим о слове «И». В надписях на костях оракула оно состоит из варианта слова "Хи" плюс знак "=", «хи» – это означает кусок мяса, а "=" означает равенство, равнозначно по значению слову "равный", которое представляет раздел мяса на равные части.

- В первобытно-общинную эпоху еда была самым важным общим достоянием, а мясо – самым высоким уровнем пищи. Равное деление мяса – важная церемония поклонения предкам. Следовательно, первоначальное значение слова "И" означает равное распределение. Мясо разделяют и едят.

- Наконец, когда дело доходит до слова "Гу", можно сказать следующее: Гу состоит из древних иероглифов и знака «Синь». Древние иероглифы имеют изображение большого топора, а «Синь» представляет человека, которому грозит смертная казнь. Первоначальное значение слова «Гу» означало использовать большой топор для обезглавливания или смертной казни.

- После первой ночи я увидел смерть пятерых человек, и у меня были некоторые сомнения по поводу этих слов, но фактов было недостаточно, и я не осмеливался делать какие-либо поспешные утверждения. Сейчас я только что увидел смерть Лю Юфэя, что подтвердило мои догадки.

- Эти символы, написанные на полосках ткани, наполнены свирепостью, присущей их первоначальному значению, плюс эта способность проклятия деревенских предков, которые сделали предки этой семьи. Они смогли ограничить способы нашей смерти. Проклятый реквизит.